

Востров А. В.

**РУССКИЕ СОЛДАТЫ НА АЛАНДСКИХ ОСТРОВАХ
В 1915–1918 гг.: СЛУЖБА, БЫТ
И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ**

Або-Аландская шхерная позиция, как правый фланг морской крепости Петра Великого, начала возводиться летом 1915 г., и к концу года морской опорный пункт приобрел основные черты укрепленного района. Посты наблюдения и связи соединились телефонными кабелями и мало-мощными радиостанциями, а Мариехамн, являясь ключевым пунктом обороны, получил прямую телефонную связь с Або [Турку].

Передовым фортом Або-Аландской шхерной позиции стал остров Утё с далеко вынесенной в море батареей, прикрывавшей пролив Шифтет с его глубокими фарватером (жители острова были выселены). Восточнее, на острове Юрмо, находилась небольшая батарея и станция для аэропланов — задачей форта являлось прикрытие внутреннего фарватера на Або. На аландских островах Нётё и Юнгфрушэр были сооружены 6-дюймовые батареи, ставшие первыми из кольца фортов, которыми постепенно «вооружался» архипелаг.

Несколько позже на небольших островах близ Чёкара была сооружена батарея, охранявшая проход к Шифтету, который с другой стороны контролировала батарея в Стурклобб на Фёглё. Она защищала прямой и узкий фарватер на Або совместно с батареей на южной оконечности острова Лемланд; под огнем последней также находился фарватер Стокгольм-Ледсунд. Подход к Мариехамну прикрывался батареей острова Корсё, а задача защиты города от десанта была возложена на батарею острова Кунгсё. В самом городе во время войны находились штаб и один батальон полка Офицерской школы.

На близлежащем острове Хаммарланд сооружались батареи в Солис, Фреббенбю и Мелланторп, а на самом западном острове Эккерё устраивалась площадка для спуска гидропланов и аэропланов с ангаром (сюда ежедневно прилетали аэропланы из Або для наблюдения за появлением

противника вне территориальных вод). В местной деревне Стурбю расположился батальон стрелков, несший разведывательную службу по всему побережью острова и препятствовавший сообщению со Швецией. С севера Аланды защищали батареи на острове Буксё и в Хамнё¹.

Всего аландская часть позиции насчитывала 10 береговых батарей различного калибра, 5 полевых батарей, 2 зенитные батареи, 6 радиопостов и 2 радиостанции, 6 больших постов береговой охраны, 2 летные станции, а также вспомогательные постройки. Укрепления располагались на островах Фаста Оланд (Наш), Чёкар (Иже), Лемланд (Люди), Стурклобб (Буки), Буксё (Слово), Хамнё (Аз), Корсё (Он)² — больше всего оказались затронуты приходы Юмала и Хаммарланд, где разместились почти все военные подразделения. База подводных лодок находилась в Мариехамне, а база тральщиков — на острове Лумпарланд.

Организация Службы связи района, произошедшая в январе 1915 года, не создала значительных трудностей, так как Аланды были хорошо телефонизированы еще в начале XX века. Местное «Западное» отделение состояло из 6 постов при одной мощной радиостанции в Прэстё и одной центральной телефонной станции в Мариехамне³. В состав Службы связи также включалась служба авиации — из-за разведывательного характера ее действий: воздушные станции на островах Дегерё и Буксё, а также воздушные посты на островах Эккерё и Юрмо. Из-за отсутствия финансирования первые разведывательные полеты состоялись лишь в апреле 1917 г.

Создание Або-Аландской укрепленной позиции, получившей такое наименование в конце декабря 1916 г., к этому же времени большей частью и завершилось. Дальнейшие работы приостановились из-за нехватки денежных средств. От части работ морское министерство и командование флота отказались: устройства покрытий от снарядов для вспомогательных помещений, строительства колодцев, водопровода и бань, приобретения пожарного имущества, оборудования для казарм⁴...

Российские солдаты начали возвращаться на архипелаг еще в 1906 г. Однако размещение батальона на острове Прэстё и организация службы связи не оказали серьезного влияния на жизнь архипелага — настоящая милитаризация случилась уже после начала Первой мировой войны. Первая группа солдат, прибывшая весной 1915 г. для строительства укреплений, состояла из 300 человек. Общая численность расквартированных войск к началу 1916 г. составляла менее 600 человек, но в начале февраля из Ораниенбаума (Ломоносов) прибыл Стрелковый полк Офицерской школы (три батальона с пулеметной командой). В течение последующих месяцев увеличилась численность Морского батальона (до 538 человек): прибыли саперно-минный взвод Свеаборгской крепости (33 человека) и взвод телеграфной роты (73 человека). Кроме того, на Аландах нахо-

дились Автомобильная и Жандармская команды, численностью 32 и 31 человек соответственно⁵. Поэтому в декабре 1916 г. гарнизон на Фаста Оланд насчитывал 5670 человек (из них 101 офицер, 4 врача, 6 чиновников, 302 солдата нестроевой службы)⁶.

Начальник гарнизона полковник Кузнецов и его адъютант штабс-капитан Колчинский погибли 1/14 декабря 1916 г. при следовании из Мариехамна в Або, когда небольшой пароход «Шифтет», зафрахтованный Военным министерством в январе того же года, подорвался на германской mine заграждения (всего погибло 86 человек)⁷. Этот эпизод стал самой крупной жертвой Первой мировой войны на архипелаге.

Первые шаги по возведению Або-Аландской шхерной позиции лишь незначительно увеличили контакты солдат и рабочих с местными жителями, так как новоприбывшие разместились на малонаселенных островах. Но уже к февралю 1916 г. численность гарнизона стала весьма существенной (до четверти населения архипелага), что особенно сказалось на жителях Мариехамна, где находилась база флота, и приходов Хаммарланд и Юмала.

Отношения между аландцами и солдатами складывались весьма не просто: для размещения гарнизона требовались помещения, реквизиравшиеся (часто за небольшую плату) у местных усадеб; пастбищам, лугам, лесам и надворным постройкам наносился постоянный урон. Так, например, 40 солдат гарнизона в Солис 18 месяцев жили в большом зале дома Пера Хиндерса: спали на трехъярусных кроватях, стоявших вдоль стен, а посередине помещения находился большой стол. «Столовничать» они ходили на другой двор, где в небольшой избе находилась походная кухня и где пекли большие буханки хлеба⁸.

Нередко вспыхивавшие конфликты (в том числе, на личной почве) местные гражданские власти практически во всех случаях решали в пользу аландцев. Кроме сочувствия к «своим», одной из основных причин подобных решений являлось то, что ленсманы не владели русским языком. На запрос начальника Позиции О. Рихтера вести служебную переписку на русском языке губернатор Або-Бьернеборгской губернии И. Вуоринен сослался на закон, не требовавший знания русского языка чиновниками данной губернии Великого княжества Финляндского⁹.

Давняя комплиментарность аландцев к шведам также вызывала опасения у начальника Позиции. Но даже наличие иностранного (шведского) подданства у жителей Фаста Оланд становилось препятствием к выселению. Так в мае 1915 г. была осуществлена попытка выселить 85 иностранных подданных (в основном, шведских), но жандармы (ленсманы) заявили, что не имеют на это полномочий и требуется решение генерал-губернатора Великого княжества. Рихтер в своем донесении отме-

чает: «Удивительно, как Оланд на всех действует, живут там и не хотят чувствовать войны, поговаривают, что надо каботаж открыть на Швецию, потому что мясо вздорозало...»¹⁰.

И только инциденты, попавшие в ведение военно-морского прокурора в Гельсингфорсе, могли привести к наказанию, да и то незначительному — в основном в виде высылки из района. Такая позиция иллюстрируется докладом начальнику Позиции от коменданта острова Фаста Оланд, капитана 1-го ранга Де Ливрона (28 марта 1915 г.): «Вообще, полагал бы, чтобы не восстанавливать против себя жителей, не следует прибегать к реквизициям, а лучше нанимать дома по соглашению с хозяевами»¹¹.

Условия труда и оплаты на оборонительных работах также вызвали многочисленные протесты, провоцировавшие столкновения местных жителей с военными чинами, что лишь увеличивало общее недоброжелательное отношение населения к гарнизону. Причины разногласий крылись не только в русских военных: аландцы привлекались на работы через гражданские власти, которые нередко злоупотребляли своим положением. Однако военное руководство, пытаясь наладить хорошие взаимоотношения с местной администрацией, относилось к их проступкам снисходительно и даже неоднократно поощряло их.

С целью минимизации контактов и, следовательно, риска эксцессов для простых солдат существовали значительные ограничения: нижним военным чинам запрещалось покидать места квартирования, в Мариехамне ходить по бульвару Эспланада, но разрешалось посещать кофейни и столовые из разрешенного списка (всего 9 заведений)¹². Высшие военные чины также стремились ограничить круг общения солдат и рабочих Позиции: «Начальникам отдельных частей внушить нижним чинам быть осторожными при встречах и новых знакомствах, особенно с людьми, говорящими по-русски, и не вести вне казарм никаких разговоров, имеющих прямое или косвенное отношение к настоящей войне»¹³.

Несмотря на то, что разрешения на продажу алкогольных напитков выдавались хозяевам заведений лишь в исключительных случаях и для высших чинов (с августа 1915 г. был введен строжайший запрет на продажу алкоголя нижним чинам), пьяные драки матросов в кофейнях и на улицах Мариехамна стали достаточно обычным явлением, о чем свидетельствует множество документов, датированных 1915–1917 гг. К аландцам, нарушавшим запрет о продаже алкоголя, применялись достаточно строгие меры, например, торговец Ф. М. Гельман был арестован на три месяца, а затем выслан из района¹⁴.

После Февральской революции 1917 г. в свете все увеличивавшихся беспорядков появилось несколько приказов о запрете свободной продажи алкоголя, выполнявшихся на практике лишь частично. Это допол-

нительно подстегивало участившиеся столкновения аландцев и солдат, грозившие перерасти в открытый конфликт, а офицеры уже плохо контролировали подчиненных ввиду новой «эры свобод». Так как управленческая связь с Петроградом по мере приближения Октябрьской революции становилась все слабее, в сентябре—октябре рассматривался даже вопрос об эвакуации гарнизона из-за конфликтов с местным населением. Но эвакуация произошла позднее — уже после подписания Брест-Литовского мирного договора.

С началом милитаризации архипелага аландцы (в первую очередь, жители Фаста Оланд) обрели возможность заработка на строительных работах. Но возникла и дополнительная «повинность»: отныне продажа рыбы и продуктов сельского хозяйства осуществлялась только гарнизону и по сильно заниженным ценам. Неудивительно, что они всячески старались избегать официальных торговых контактов с военными, так как для многих аландцев основной доход составляла продажа указанных товаров на материк. К слову, неофициально они продавали свои товары русским солдатам — в полтора раза дороже. Все это вкуче со значительной численностью гарнизона привело к тому, что его снабжение представляло большие трудности.

Указанная ситуация отразилась в запретах начальника гарнизона, принятых в октябре—ноябре 1916 г., по вывозу масла, мяса и овощей за пределы архипелага. Вскоре положение с поставками продуктов обострилось настолько, что потребовалось уже вмешательство Начальника Штаба командующего флотом Балтийского моря Н. М. Григорова. Ограничения были сняты, но вводилась жесткая регламентация обязательного еженедельного объема поставки масла, но ограничения на вывоз мяса оставались в силе. Более жесткие ограничения были введены с переводом позиции в осадное положение 15/28 февраля 1917 г.

Введение новых правил выхода в море для гражданских лиц вызвало снижение объемов рыбной ловли и охоты на тюленей: получение свидетельств на право ловли или промысла требовало обязательного наличия фотокарточки в удостоверении владельца каждой лодки. Сверх того, лодки должны были выкрашиваться в белый цвет, иметь по бортам и на корме номер удостоверения владельца, а выход в море был разрешен только с восхода до заката и запрещен в туманную погоду. На практике большинство местных рыбаков и охотников старалось избежать рутины, а ленсманы не всегда знали о новых правилах, так как не владели русским языком. В сентябре 1916 г. военное руководство решило снять часть ограничений из-за резко упавшего улова и предложило запретить выход в море только на моторных лодках, опечатав все моторы на берегу, — плавание разрешалось на гребных и парусных лодках¹⁵.

Развитие военной Службы связи района постепенно ввело ограничения и цензуру на общение для гражданских лиц, причем частная телефонная связь во время войны была закрыта практически на всем побережье Финляндии (Нюландская и Або-Бьёрнеборгская губернии). На Фаста Оланд частная телефонная сеть, из-за отсутствия схемы сети и значительной нехватки техников и монтеров, находилась под частичным контролем военного гарнизона. Лишь высокая ночная стоимость разговора позволяла использовать телефонную сеть в это время только для военных нужд.

Еще одной особенностью жизни на архипелаге стали строгие правила въезда и выезда. И если возможность получения пропуска в Або или даже в Стокгольм для местных жителей оставалась все-таки реальной (хотя и требовавшей значительных усилий), то возможность заработка на туристах ушла в прошлое. В упомянутом выше докладе коменданта Фаста Оланд де Ливрона (от 28 марта 1915 г.) указывалось: «Ввиду возможности приезда вместе с обычными посетителями тайных шпионов, разобрать которых будет невозможно, считаю нужным запретить на время войны приезд дачников на Оланд. <...> Такое объявление избавит жителей от недовольства по напрасным издержкам и сделает их стоворчивее при найме у них помещений для команды...»¹⁶.

Несмотря на общий неблагоприятный фон, разнившийся с первым периодом русского военного присутствия (периода существования крепости Бомарсунд), на архипелаге постепенно укоренилось немало русских традиций, в том числе, кулинарных (некоторые из них живы до сих пор): ржаной хлеб, бублики, соленые огурцы домашнего посола, блины, пироги с яблоками и капустой. Поэтому, не считая конфликтов и недопонимания, основанных на повинностях, ограничениях военного времени и разности культур, в остальное время отношения между аландцами и русскими солдатами оставались обычными: солдаты просили по дворам молока, а местные дети бегали вокруг полевых кухонь и выпрашивали сахар, хлеб, чай, вместе с ними «получая» русские слова и выражения. Но когда забивали скот, аландцы всячески прятали от солдат мясо. Также приходилось охранять темными (осенними) ночами картофель и яблоки, как и девушек, многие из которых были не прочь встретаться с «загадочными русскими».

Ликвидация Або-Аландской позиции началась уже в январе—марте 1918 г. — сразу после подписания с Германией перемирия, а затем Брест-Литовского мирного договора. Сигналом к началу ликвидации послужил Декрет Совета Народных Комиссаров от 10/23 ноября 1917 г. о частичной демобилизации армии. Имущество и материалы, остававшиеся на позиции (с началом навигации в мае предполагалось вывезти оружие и бое-

припасы в Свеаборг, оборудование — на Балтийской завод в Петроград), достались финской стороне, в основном бесплатно, а продовольствие и некоторые товары продавались по себестоимости. Военные сооружения предписывались к уничтожению.

В начале декабря 1917 г. на позиции насчитывалось около 6 тыс. военных, поэтому процесс эвакуации растянулся на несколько месяцев и сопровождался полным беспорядком. У высшего руководства не было ясности в отношении военного положения, а также во внешнеполитических связях России с Финляндией, Швецией и Германией. Солдаты достаточно просто не подчинялись приказам. Также не хватало провизии для рабочих и матросов, и людей для работы и охраны имущества от мародеров. В целом наблюдалась «полная протрация и разложение местной русской власти»¹⁷.

Многие действия по демобилизации и эвакуации происходили параллельно с событиями финской гражданской войны, высадкой шведского и германского десантов. Например, приказы Совета Народных Комиссаров предписывали передать оружие финской Красной гвардии, а солдатам перейти на их сторону. Однако командование Красной гвардии и ее солдаты относились к русским матросам достаточно пренебрежительно (как в Або, так и на Аландах), а разрешение финских властей на вывоз имущества на Балтийский завод требовало длительной переписки между Петроградом, Гельсингфорсом и Або.

Петроградские указания о демобилизации относились только к Аландскому архипелагу: батареи на Утё, Эрё и Юрмо, прикрывавшие внутренний фарватер на Або, усиливались личным составом и переводились в боевую готовность. В случае невозможности их защиты, предписывалось их уничтожить (приказ Военного отдела Центробалта от 23 февраля 1918 г.)¹⁸. Именно поэтому они уцелели и меньше всего пострадали от всеобщего хаоса, хотя и там эвакуация проходила достаточно болезненно.

Большинство укреплений Або-Аландской позиции было разрушено в 1918 г. В результате Або-Аландская позиция являлась военным укреплением всего лишь несколько лет. Все подразделения и командование эвакуировались в Россию, оборонительные сооружения были частично разрушены, имущество в основном брошено или разграблено. Однако на прежде недостаточно освоенных (в хозяйственном отношении) островах архипелага остались дороги, телефонные и телеграфные линии, авиационная станция, документация по исследованию вод и фарватеров. Например, от батареи Корсё близ Мариехамна уцелела лишь одна казарма, приспособленная позже местным приходом под танцевальный зал. И когда в портах Финского и Ботнического заливов томились, ожидая

благоприятной погоды для возвращения на родной берег, российские военные и гражданские суда, дальнейшая судьба Аландских островов решалась уже другими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. М., 2016. С. 210–213.

² В скобках указаны именованя островов в документах командования флота (подробнее см.: *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. СПб., 2008. С. 202, 310).

³ *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 157, 165.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Там же. С. 257–258.

⁶ Там же.

⁷ На пароходе находился 91 человек: 15 человек экипажа, 56 русских военных, 7 рабочих позиции и 13 гражданских лиц. Спаслось лишь пятеро: 3 военных, финн (рабочий) и аландец.

⁸ *Gustavsson K.* Sälis Batteri. Minnen av en rysk befästning från första världskriget. Mariehamn, 1994. 32 S.

⁹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 952, Оп.1, Д. 74, Л. 70 (10 июня 1915 г.).

¹⁰ Там же. Д. 479. Л. 34.

¹¹ Там же. Д. 27. Л. 11 об.

¹² *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 218.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 27, Л. 12 (Из приказа капитана 1 ранга де Ливрона от 17 апреля 1915 года).

¹⁴ Там же. Д. 74. Л. 173.

¹⁵ *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 328–329.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 27. Л. 11 об.

¹⁷ Там же. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 65. Л. 478. (Из письма инженера-технолога Балтийского завода Н. И. Власьева, руководившего монтажом артиллерийских орудий на береговых батареях Аландских островов).

¹⁸ Там же. Л. 438 (23 февраля 1918 года).

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914 — январь 1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17/2/. С. 64–69.

Востров А. В. Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 годов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/2/. С. 114–125.

Востров А. В. Аланды — острова мира и раздора. СПб.: Остров, 2018. 303 с.

Дубровская Е. Ю. Армейская повседневность: Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003, № 4. С. 132–139.

Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. Москва: Кучково поле, 2016. 320 стр.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. Москва: Весь мир, 2008. 248 стр.

Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. С. 144–154.

Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 450 стр.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире: Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет в войнах 18–20-х столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. Санкт-Петербург: ОРЕОС, 2008. 604 стр.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): Проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. С. 109–119.

Шкваров А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: Проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. С. 80–89.

Gustavsson K. Sålís Batteri. Minnen av en rysk befästning från första världskriget. Mariehamn: Ålands landskapsstyrelse, 1994. 32 S.

Gustavsson K. Venäjän laivaston sotaurmat Ahvenanmaalla vuosina 1914–18 // Venäläissurmat Suomessa. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 2004. S. 65–92.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.